

Шолохов М.А.

16/2 892

◆ Анатолий КАЛИНИН

Гривза. - 1987. - 16 мая

ОТВЕТ УЧИТЕЛЮ СЛОВЕСНОСТИ

Читателям известна книга А. В. Калинина «Время Тихого Дона», которая составлена из статей и очерков, на протяжении пятидесяти лет публиковавшихся в «Правде» и других печатных органах. Но книга о жизни и творчестве М. А. Шолохова продолжается и после его смерти. Публикуемая новая глава является ответом автора на письмо учителя — ветерана войны из хутора Щепкина Волоконовского района Велюрской области В. М. Тищенко.

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Поскольку вы не единственный, кто обращается ко мне, как автору книги о жизни и творчестве М. А. Шолохова, с вопросами о том, что помешало ему исполнить замысел романа «Они сражались за Родину», я позволю себе избрать форму открытого письма. Тем более что тема, затрагиваемая вами и другими читателями опубликованных глав романа «Они сражались за Родину», является лишь частью другой, более обширной темы, и уже пришла пора рассмотреть ее во всем объеме. В атмосфере гласности, порожденной XXVII партсъездом, фигура умолчания является по меньшей мере анахронизмом. Да и не так уж много у каждого из нас в запасе времени, чтобы можно было бесконечно ждать, когда камень сам собой свалится с сердца.

Как учителем словесности, вами, конечно, не могла остаться незамеченной и та тень, которая на всем творческом пути сопровождала Шолохова наряду с общепризнанным признанием его как крупнейшего писателя современности. То возникала, то исчезала и вновь напоминая о себе. Подобно тому, как в музыкальных произведениях сперва лишь издали заявляет о себе тема мефисто — тема зла, нарастая и угасая, чтобы потом опять появиться. В последний раз эта тень, сопутствующая Шолохову, с особенной яркостью напомнила о себе в канун его семидесятилетия. Невольно вспоминается, как за тридцать лет до этого, завершая первую книгу «Поднятой целины» внезапным появлением Половцева в доме у Островнова, автор романа обронил: «Старое начиналось сызнова».

Казалось бы, ничто уже не предвещало возрождения давно опровергнутой литературной и читательской общественностью клеветы, возведенной в конце двадцатых — начале тридцатых годов на автора «Тихого Дона». Сам Серафимович, прочитавший первую книгу романа в рукописи и открывший ей дорогу и читателям, возлагал отпор клеветникам из стана бывших белогвардейцев и оклолитературных завистников. Вслед за этим сам Горький подвел итог новой, но мне сомнительно, что впоследствии не пошел вокруг дальнейшей творческой судьбы Шолохова, положив ладонь на рукопись третьего тома «Тихого Дона»: «Хорошая книга». К своему семидесятилетию Шолохов уже подошел как общепризнанный авторитет советской и всей мировой литературы. Вынужденный считаться с мнением международной общественности, дрогнувший Нобелевский ареопаг, который до этого не спешил с присуждением своих литературных премий кому-нибудь из советских писателей. Даже буржуазная пресса при вручении Шолохову Нобелевской премии отменила, что впервые из рушведского короля получает эту литературную награду социалистический реалист.

Шолохов шел к своему семидесятилетию не только увенчанный лаврами признания, которые не столь уж часто выпадают великим художникам слова при жизни, но и с уверенностью в своем творческом будущем. Уже опубликованные главы романа «Они сражались за Родину» свидетельствовали о неуязвимости его таланта. Тем, кто жил рядом с ним на донской земле, мо-

жет быть, особенно дано было почувствовать, как все больше и больше захватывал его новый замысел. После войны Шолохов десятки раз ездил в Сталинград — и это подтверждало впечатление читателей опубликованных глав романа «Они сражались за Родину», что он еще приведет Лопатина, Звягинцева, Стрельцова на берега Волги. Многие часы он провел в беседах с легендарным командармом Лукиным — и читатель, узнавая потом его черты в чертах старшего из братьев Стрельцовых, вправе был прийти к выводу, что на этом совпадении не кончатся. Судя по всему, как это уже не раз случалось с предшествующими произведениями Шолохова, он еще намерен был

раздвинуть границы своего замысла, заглянув и в начальный период войны. Скупой на высказывания о деталях своего замысла, он тем не менее иногда почти наизусть прорывался в кругу товарищей настолько обдуманными и уже получившими форму литературной законченности эпизодами романа, что только берясь и записывая вслед за ним. Если бы его зоркий взгляд не пресекал всякие попытки такого рода. И вот уже можно было представить себе по этим эпизодам, как младший Стрельцов, агроном, встречается на фронте с возлюбленной своей жены, учителем Овражников. Как известно, коллизия Стрельцов — Ольга — Овражников уже наметилась в опубликованных ранее главах «Они сражались за Родину». Промелькнула она и в самых последних, напечатанных в «Правде». Можно было предположить, что она еще развернется в романе.

У Шолохова до этого уже было, когда при воплощении своих замыслов он либо, увлекаемый логикой развития образов и событий, забегал вперед, либо, углубляя и уточняя характеристики, прирачивал к опубликованному новое.

И здесь ему неопеченному помочь всегда оказывала его память. О феноменальной памяти Шолохова, удерживающей в подробностях все, что попадало в круг его зрения, достаточно хорошо известно. Только что в рукописи воспоминаний маршала авиации А. Н. Ефимова я еще раз на-

шел подтверждение этому. А. Н. Ефимов приводит эпизод, когда Михаил Александрович, уже незадолго до своей смерти выехав вместе с ним в степь, на привале вдруг наизусть прочел большое стихотворение Тютчева. Вот так же и другим своим землякам он мог читать стихотворения Пушкина, Баратынского, Бунина.

И при этом на протяжении всей своей жизни, не прибегая к записным книжкам, он держал в памяти в неразрывном сцеплении и взаимодействии сотни и тысячи лиц, фактов, событий, деталей, оттенков, звуков и запахов, ввергаемых им в орбиты своих произведений. Еще в Богучарской гимназии учителя Тишанский и другие поразились

этой необычайной памятью совсем юного Шолохова.

Я невольно вспомнил об этом, когда, чтобы ответить на ваш вопрос, стал день за днем, год за годом, от встречи до встречи с М. А. Шолоховым воспроизводить всю картину уже продуманной им работы над последним романом и характер подготовки к дальнейшему исполнению замысла. Как известно, это должна была быть трилогия. Соглашались, что после четырех книг «Тихого Дона» и двух книг «Поднятой целины», не говоря уже о других, менее крупных по объему, но всегда столь емких по содержанию произведениях Шолохова, надолго на исполнение этой новой сверхзадачи мог позволить себе только писатель, чувствующий себя в силах воплотить ее от начала до конца. Приступающий к ней во всеоружии своего опыта и таланта. Ни малейшего сомнения в этом не было и у тех зарубежных критиков, которые писали, что создание такого произведения о минувшей войне по плечу только Шолохову. С этой же уверенностью каждый раз уезжал из Вешенской после встреч с Шолоховым его литературные друзья.

Летопись подвига нашего народа на полях сражений Великой Отечественной войны под пером у Шолохова приобрела все больший размах. Сам он при всей своей немногословности все же роялся иногда, что замыслы имеют обыкновение не укладываться в первоначально предназначенные им рамки. Юрий Гагарин, приезжавший к нему в гости в станицу Вешенскую, нашел его в расцвете сил и таланта. (Кстати, должны были сохраниться в Ростове и магнитофонные пленки с записями бесед Шолохова с Гагариным не только на космические, но и на литературные темы).

Уже условился М. А. Шолохов и с Г. К. Жуковым, что тот тоже придет к нему в Вешенскую. А это могло, помимо всего прочего, означать, что в пору еще раздвинуться замыслу романа «Они сражались за Родину». Разве не Жуков был одним из главных авторов плана разгрома немцев на Волге, к которой с боями отступали со своим полком Лопатин, Стрельцов, Звягинцев? И разве под названием «Они сражались за Родину» не могли плечом к плечу с солдатами объединиться советские генералы и маршалы, как участники и организаторы сокрушительной победы над врагом? А если так, то не именовать было автору романа и переносить свой взор с полей сражений на поля военных карт Генерального штаба, в стены Ставки. В «Тихом Доне» дороги из хутора Татарского упирались в Петроград, Москву.

Ширился замысел новой эпопеи, и все яснее становилось тем, кто в эти годы бывал в Вешенской, как уже вырисовывался перед взором Шолохова образ всего романа, вынашивались глава по главе, книга по книге. Крепла уверенность, что недалек день, когда он уже полностью уйдет в роман. У него не раз уже бывало — и с «Тихим Доном», и с «Поднятой целиной», и с «Судьбой человека»: долго вынашивает, обдумывает и потом бросается к столу, чтобы уже не отрываться от него, пишет быстро, многоцветной грудой выкладывая на бумагу то, что давно уже выстрадалось, выстроилось, отстоялось. Когда он сам говорил иногда, что предпочитает идти в литературе медлительной поступью, он не то что бы противоречил себе, а просто недооценивал ту предварительную работу над своими произведениями, которая уже была проделана им по самой высокой мерке взвешательной требовательности. И что бы он ни говорил, есть и в «Тихом Доне», и в «Поднятой целине» целые главы, части, написанные на одном дыхании. В течение немногих лет одна за другой были выпущены им в свет три книги «Тихого Дона», первая книга «Поднятой целины». Все, что приезжал к Шолохову в Вешенскую в годы его работы над новым романом, чувствовали приближение момента, когда завершающие главы первой книги и вся вторая книга уже должны будут отлиться в предназначенную им форму без долгих промедлений. Обдумана была Шолоховым и третья книга романа «Они сражались за Родину».

Как вдруг прошестелело по стране, что на празднике своего семидесятилетия в Москве, в Большом театре, Шолохов не был из-за болезни.

Печально известная фигура умолчания ничего хорошего нам не принесла не только в сфере материального производства. В области духовной, идеологической она причинила ущерб, не поддающийся переводу ни в какие миллионы потерянных тонн зерна, мяса, нефти, угля. Зерно или мясо еще можно было принудить на стороне, а потерянные духовные ценности ни за какую валюту не купишь. И нет такого золота, которым можно было бы залатать пробитую в фундаменте этих общественных ценностей брешь. Разве что попытаться грудью закрыть ее, чтобы ею не воспользовался тот, кто спит и во сне видит крушение нашей страны. Тот самый мефисто, который способен даже, отвернувшись от изобличающего его зеркала и закутываясь в знамя звездных войн, объявлять нашу Родину «империей зла».

Мефисто многолик. Вот почему, Вячеслав Михайлович, отвечая на ваш вопрос о причинах, которые воспрепятствовали Шолохову до конца исполнить свой замысел трилогии «Они сражались за

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Родину», я с уверенностью говорю, что все та же фигура умолчания не позволила нам вовремя предостеречь тот момент, когда «персональный» мефисто автора «Тихого Дона», вдруг вывернувшись из ночной мглы, неожиданно нанесет ему удар в спину.

Казалось, что все уже осталось позади. Стрела первой клеветы зацепила молодого «орелка», и он, накренившись, уронил свою кровь на землю, но тут же и выровнялся, еще шире развернув крылья. И не только те, кто знал его ближе, оставались в уверенности, что никогда не сможет превратиться мах этих крыльев. Иначе, для кого же народ и продолжал берегать в своем запасе слово «вечность». Этим ощущением вечности веяло не только от каждого печатного слова Шолохова. Удельный вес его выступлений — и не только по вопросам литературы — был неизмеримо велик. Весь мир прислушивался к нему, и он создал свою ответственность не только перед своим народом, но и перед всем человечеством. Не было на планете уголка, где бы не знали его книг. И ему ли было прислушиваться к тому шевелению, которое время от времени начиналось за его спиной. Все это, казалось, не больше как отголоски тех людских, которые вызвало появление «Тихого Дона». Особо фигура Григория Мелехова. Ну и пусть себе долет-

Здесь нам никак не миновать «сызнова» вернуться к тем, уже более чем полувеквой давности дням, когда тень «персонального» мефисто впервые замаячила рядом с автором «Тихого Дона». Напомнить о том, в какие только формы не выливалась клевета, чтобы заронить в сердца первого поколения читателей молодой советской литературы семена сомнения, что 23-летний сын крестьянки с хутора Кружилина мог стать автором «Тихого Дона». То в формы поисков в сумках белоказачьих офицеров каких-то «дневников» или «записных книжек», из которых, дескать, и «скроил» Шолохов первую книгу «Тихого Дона». То в последующих намеках — после того как одна за другой вышли в свет вторая и третья книги романа, — что его автор мог быть и дореволюционный журналист, чьи путевые заметки «По тихому Дону» адресовались редакции журнала «Донская волна». То в «уточнение» этих намеков, что он «мог», конечно, быть и не автором, а всего лишь передатчиком в журнал рукописи романа, которая на самом деле «могла» принадлежать...

И здесь начинались лихорадочные поиски того, кому — только, конечно, не сыну крестьянки с хутора Кружилина — мог принадлежать «Тихий Дон». С одновременными поисками уже того «сундука», в который задним числом могли бы вестись «рукописи» успешного разрабатывавшегося за эти годы романа. В

длит до Политбюро. Была четвертая книга «Тихого Дона». Были «Судьба человека» и вторая книга «Поднятой целины». Была война. После первого инсульта он еще на что-то надеялся, даже, уединяясь у себя на втором этаже, что-то писал, жег в камине и опять писал. Он не расставался ни со стенограммой своих бесед с командармом Лукиным, ни с книгой воспоминаний маршала Жукова. Но после второго инсульта он уже мог лишь позволить себе, надписывая свою книгу, невольно порадоваться: «Смотри-ка, а почерк у меня опять становится прежним».

Увы, — недостаточно было этого для того, чтобы опять вернуться к роману на уровне тех требований, которые он всегда себе предъявлял, отдаваясь ему без остатка. Вероломно нанесенный ему удар сделал свое дело. Не предостерегли, не предотвратили, не упресли. Объясняли на этот раз фигуру умолчания тем, что ни «Тихий Дон», ни его автор не нуждаются в защите. Они сами себя защищают.

Все последующие годы жизни Шолохов еще надеялся на взлет, но крылья уже не слушались его. Даже у самого мужественного сердца есть предел.

Для меня есть основания окончательно утвердиться в том, что все эти записи я уложил тогда в свою старую корреспондентскую сумку не напрасно. Несмотря даже на мое согласие со словами самого Шолохова, который еще через год в станице Вешенской в ответ на вопрос, удалось ли к этому времени и ему прочитать это парижское издание, махнул рукой:

— До сорока четвертой страницы. Скучно.

Да, это было непросто и безнадежно скудно. Более того, на меня повеяло с его страниц каким-то выморочным запахом, тленом. Как велико было мое возмущение и негодование этим новым — и превосходящим по наглости первым — наговором на Шолохова, чья творческая жизнь по счастливому стечению обстоятельств проходила у меня на глазах!

При обращении к ранним истокам и ко всей родословной «Тихого Дона» в связи с родословной его автора и со всеми другими его произведениями нельзя сразу же не почувствовать всю цельность его жизни и творчества, неразрывность их не только в большом, но и в малом. На рассечение этих очевидных связей в первую очередь и направлен был пасквиль. Рассечь, разорвать по кускам, расслоить и отслоить, чтобы потом уже, перекопав и скроив по-своему, переложить «Тихий Дон» кому-нибудь другому. В конце концов неужели было, кому переложить. Когда при этом рассло-

понятия. Стремя — это та точная опора, коснувшись которой ногой, вскидывается в седло всадник. Но это также и сердцевина реки. На Дону так ее и называют «стремья».

Взяв Шолохова на мушку уже после появления первой книги «Тихого Дона», они ждали только подходящего момента, чтобы теперь уже без осечки вышибить его из седла. Подвести, наконец, окончательную черту под счедами с тем, кто, все более уверенной рукой продолжая сдерживать с них маски и башлыки, все больше обнажал их истинную природу. Накануне семидесятилетия Шолохова им показалось, что этот момент наступил.

Подготовка к войнам всегда начиналась с костров, на которых сжигались светлые творения человеческого духа. Для тех же, кто уже вскоре после окончания второй мировой войны нашел неисчерпаемый кладезь наживы в подготовке к еще более страшной — термоядерной — войне, всемирно известный автор «Тихого Дона» давно уже застрял костью в горле. Всю планету обошли его антивоенные очерки и статьи «Слово о Родине», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов». Все человечество прислушивалось и обличающим и вселяющим надежду словам первого писателя мира.

После смерти Горького вокруг него объединялись выступающие против угрозы войны прогрессивные деятели культуры. С тем большей злобностью сгущались вокруг него и силы мрака. Не забудем, что последняя интрига вокруг Шолохова закручивалась незадолго до начала нового идеологи-

авшихся в «Правде» и других печатных органах. Но книга о жизни и творчестве М. А. Шолохова продолжает и после его смерти. Публикуемая новая глава является ответом автора на письмо учителя — ветерана войны из хутора Щепкина Волоконовского района Белгородской области В. М. Тищенко.

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Поскольку вы не единственный, кто обращается ко мне, как автору книги о жизни и творчестве М. А. Шолохова, с вопросами о том, что помешало ему исполнить замысел романа «Они сражались за Родину», я позволю себе избрать форму открытого письма. Тем более что тема, затрагиваемая вами и другими читателями опубликованных глав романа «Они сражались за Родину», является лишь частью другой, более обширной темы, и уже пришла пора рассмотреть ее во всем объеме. В атмосфере гласности, порожденной XXVII партсъездом, фигура умолчания является по меньшей мере анахронизмом. Да и не так уж много у каждого из нас в запасе времени, чтобы можно было бесконечно ждать, когда камень сам собой свалится с сердца.

Как учителем словесности, вами, конечно, не могла остаться незамеченной и та тень, которая на всем творческом пути сопровождала Шолохова наряду с общепризнанным признанием его как крупнейшего писателя современности. То возникала, то исчезала и вновь напоминала о себе. Подобно тому, как в музыкальных произведениях сперва лишь издали заявляет о себе тема мифиста — тема зла, нарастая и угасая, чтобы потом опять появиться. В последний раз эта тень, сопутствующая Шолохову, с особенной яркостью напоминала о себе в канун его семидесятилетия. Невольно вспоминается, как за тридцать лет до этого, завершая первую книгу «Поднятой целины» внезапным появлением Половцева в доме у Островнова, автор романа обронил: «Старое начиналось сызнова».

Казалось бы, ничто уже не предвещало возрождения давно опровергнутой литературной и читательской общепринятой клеветы, возведенной в конце двадцатых — начале тридцатых годов на автора «Тихого Дона». Сам Серафимович, прочитавший первую книгу романа в рукописи и открывший ей дорогу к читателям, возглавил отпор клеветникам из стана бывших белогвардейцев и околосовременных заискивателей. След за этим сам Горький подвел итог новой, но в нем сомнение отраженной от старой, возни вокруг дальнейшей творческой судьбы Шолохова, полжизни ладонь на рукописи третьего тома «Тихого Дона»: «Хорошая книга». К своему семидесятилетию Шолохов уже подождал как общепризнанный авторитет советской и всей мировой литературы. Вынужденный считаться с мнением международной общественности, прогнул Нобелевский арест, который до этого не спешил с присуждением своих литературных премий кому-нибудь из советских писателей. Даже буржуазная пресса при вручении Шолохову Нобелевской премии отметила, что впервые из рук шведского короля получает эту литературную награду социалистический реалист.

Шолохов шел к своему семидесятилетию не только увенчанный лаврами признания, которые не столь уж часто выпадают великим художникам слова при жизни, но и с уверенностью в своем творческом будущем. Уже опубликованные главы романа «Они сражались за Родину» свидетельствовали о неувядаемости его таланта. Тем, кто жил рядом с ним на донской земле, мо-

ждало впечатление читателей опубликованных глав романа «Они сражались за Родину», что он еще приведет Лопухина, Звягинцева, Стрельцова на берега Волги. Многие часы он провел в беседах с легендарным командармом Лукиным — и читатель, узнавая потом его черты в чертах старшего из братьев Стрельцовых, вправе был прийти к выводу, что на этом совпадения не кончатся. Судя по всему, как это уже не раз случалось с предшествующими произведениями Шолохова, он еще намерен был

раздвинуть границы своего замысла, заглянув и в начальный период войны. Скупой на высказывания о деталях своего замысла, он тем не менее иногда почти наизусть прорывался в кругу товарищей настолько обдуманными и уже получившими форму литературной законченности эпизодами романа, что только берясь и записывая вслед за ним. Если бы его зоркий взгляд не пресекал всякие попытки такого рода. И вот уже можно было представить себе по этим эпизодам, как младший Стрельцов, агроном, встречаясь на фронте с возлюбленной своей жены, учителем Овражником. Как известно, коллизия Стрельцов — Ольга — Овражников уже наметилась в опубликованных ранее главах «Они сражались за Родину». Промелькнула она и в самых последних, начатых в «Правде». Можно было предположить, что она еще развернется в романе.

У Шолохова до этого уже бывало, когда при воплощении своих замыслов он либо, увлекшись логикой развития образов и событий, забегал вперед, либо, углубляя и уточняя характеристики, приращивал к опубликованному новое.

И здесь ему неоценимую помощь всегда оказывала его память. О феноменальной памяти Шолохова, удерживающей в подробностях все, что попадало в круг его зрения, достаточно хорошо известно. Только что в рукописи воспоминаний маршала авиации А. Н. Ефимова я еще раз на-

зудить до Политбюро. Была четвертая книга «Тихого Дона». Были «Судьба человека» и вторая книга «Поднятой целины». Была война. После первого инсульта он еще на что-то надеялся, даже, уединяясь у себя на втором этаже, что-то писал, жег в камине и опять писал. Он не расставался ни со стенограммой своих бесед с командармом Лукиным, ни с книгой воспоминаний маршала Жукова. Но после второго инсульта он уже мог лишь позволить себе, надписывая свою книгу, невесело поразмышлять: «Смотри-ка, а почерк у меня опять становится прежним».

Увы, недостаточно было этого для того, чтобы опять вернуться к роману на уровне тех требований, которые он всегда себе предъявлял, отдавая ему без остатка. Вероятно нанесенный ему удар сделал свое дело. Не предостерегли, не предотвратили, не упредили. Объясняли на этот раз фигуру умолчания тем, что ни «Тихий Дон», ни его автор не нуждаются в защите. Они сами себя защищают. Все последующие годы жизни Шолохов еще надеялся на взлет, но крылья уже не слушались его. Даже у самого мужественного сердца есть предел.

Мне теперь уже ничего не забыть неодолеимо печальному взгляду Шолохова, когда он вдруг взял со стола в своей московской квартире на Сивцевом Вражке и молча протянул одну из «отечественных» анонимок. Когда же я, не дочитав, бросил ее на стол, он только глухо спросил: — Ты что-нибудь знаешь об этой книжке, изданной в Париже? — Слыхал только, что предисловие к ней написал Солженицын. — Что этому чуду надо? — Я попытался, Михаил Александрович, разыскать ее в Москве. Не может быть, чтобы не оказался ни одного экземпляра у нас в стране. Но вряд ли здесь пахнет только чудом.

На следующий день Шолохов уехал в Вешенскую. Когда в АПН я ознакомился с книжкой, сразу не понял, что это грубый, хотя и закамуфлированный под научный труд, пасквиль. Но по старой корреспондентской привычке я все же сделал из него необходимые выписки. Никто мне не препятствовал, как не препятствовал и потом в Библиотеке имени Ленина познакомиться и с сочинениями того, на кого как на главного нового кандидата в авторы «Тихого Дона», ссылался анонимный автор пасквиля. Во всяком случае сего-

дней у меня есть основания окончательно утвердиться в том, что все эти записи я уложил тогда в свою старую корреспондентскую сумку не напрасно. Несмотря даже на мое согласие со словами самого Шолохова, который еще через год в станице Вешенской в ответ на вопрос, удалось ли к этому времени и ему прочитать это парижское издание, махнул рукой: — До сорока четвертой страницы. Скудно.

Да, это было непросто и безнадежно скудно. Более того, на меня повеяло с его страниц каким-то выморочным запахом, тленом. Как велико было мое возмущение и негодование этим новым — и превосходящим по наглости первый — разговором на Шолохова, чья творческая жизнь по счастливому стечению обстоятельств проходила у меня на глазах!

При обращении к ранним истокам и ко всей родословной «Тихого Дона» в связи с родословной его автора и со всеми другими его произведениями нельзя сразу же не почувствовать всю цельность его жизни и творчества, неразрывность их не только в большом, но и в малом. На рассеяние этих очевидных связей в первую очередь и направлен был пасквиль. Рассечь, разорвать по кускам, расчлнить и отслоить, чтобы потом уже, перекопав и скроив по-своему, передать «Тихий Дон» кому-нибудь другому. В конце концов им неважно было, кому передать. Когда при этом расслоении и отслоении они вдруг спохватились, что биография событий в четвертом томе «Тихого Дона» никак не совпадает с биографией их очередного «кандидата», они всего-навсего объявили восьмую часть романа с ее ослепительным финалом «мелодрамой», «рванью» и «клоунами», которые «свел» воедино «кто-нибудь другой», например, «тот же» Серафимович.

«Тот же», который уже после первой книги «Тихого Дона» предсказал Шолохову великую будущность. «Тот же», чья подпись стояла под гневной отповедью анонимным авторам первой клеветы.

Воистину подлость не имеет границ. Только бы вынуть ногу Шолохова из стремени автора «Тихого Дона». Но для этого надо прежде всего отделить из стремени самого романа его лазоревый цвет. Скрывший под буквой «Д» автор пасквиля так и назвал его «Стремя» «Тихого Дона». Предисловие и послесловие к пасквилю написал А. Солженицын.

Со словом «стремля», как известно, принято связывать два

замыслу романа «Они сражались за Родину». Разве не Жуков был одним из главных авторов плана разгрома немцев на Волге, к которой с боями отступали со своим полком Лопухин, Стрельцов, Звягинцев? И разве под названием «Они сражались за Родину» не могли плечом к плечу с солдатами объединиться советские генералы и маршалы, как участники и организаторы сокрушительной победы над врагом? А если так, то не миновать было автору романа и переносить свой взор с полей сражений на поля военных карт Генерального штаба, в стены Ставки. В «Тихом Доне» дороги из хутора Татарского упирались в Петроград, Москву.

Ширился замысел новой эпопеи, и все яснее становилось тем, кто в эти годы бивал в Вешенской, как уже высказывался перед взором Шолохова образ всего романа, вынашивалась глава по главе, книга по книге. Крепла уверенность, что недалек день, когда он уже полностью уйдет в роман. У него не раз уже бывало — и с «Тихим Доном», и с «Поднятой целиной», и с «Судьбой человека»: долго вынашивает, обдумывает и потом бросается к столу, чтобы уже не отрываться от него, пишет быстро, многоцветной грудой выкладывая на бумагу то, что давно уже выстрадалось, выстроилось, отстоялось. Когда он сам говорил иногда, что предпочитает идти в литературе медлительной поступью, он не то чтобы противоречил себе, а просто недооценивал ту предвзятую работу над своими произведениями, которая уже была проделана им по самой высокой мерке взыскательной требовательности. И что бы он ни говорил, есть и в «Тихом Доне», и в «Поднятой целине» целые главы, части, написанные на одном дыхании. В течение немногих лет одна за другой были выпущены им в свет три книги «Тихого Дона», первая книга «Поднятой целины». Все, кто приезжал к Шолохову в Вешенскую в годы его работы над новым романом, чувствовали приближение момента, когда завершающие главы первой книги и вся вторая книга уже должны будут отлиться в предназначенную им форму без долгих промедлений. Обдумана была Шолоховым и третья книга романа «Они сражались за Родину».

Как вдруг прошестелело по стране, что на празднике своего семидесятилетия в Москве, в Большом театре, Шолохов не был из-за болезни.

Печально известная фигура умолчания ничего хорошего нам не принесла не только в сфере материального производства. В области духовной, идеологической она причинила ущерб, не поддающийся переводу ни в какие миллионы тонн зерна, мяса, нефти, угля. Зерно или мясо еще можно было принудить на стороне, а потерянные духовные ценности ни за какую валюту не купишь. И нет такого золота, которым можно было бы залатать пробитую в цитадели этих общественных ценностей брешь. Разве что попытаться грудью закрыть ее, чтобы ею не воспользовался тот, кто спит и во сне видит крушение нашей страны. Тот самый мифист, который способен даже, отвернувшись от избытка зеркала и закутываясь в знамя звездных войн, объявлять нашу Родину «империей зла».

Мифиста многолик. Вот почему, Вячеслав Михайлович, отвечая на ваш вопрос о причинах, которые воспрепятствовали Шолохову до конца исполнить свой замысел трилогии «Они сражались за

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание.

Начало на 3-й стр.)

Родину», я с уверенностью говорю, что все та же фигура умолчания не позволила нам вовремя предостеречь тот момент, когда «персональный» мифиста автора «Тихого Дона», вдруг вывернувшись из ночной мглы, неожиданно нанесет ему удар в спину.

Казалось, что все уже осталось позади. Стрела первой клеветы зацепила молодого «орелика», и он, накренившись, уронил свою кровь на землю, но тут же и выровнялся, еще шире развернув крылья. И не только те, кто знал его ближе, оставались в уверенности, что никогда не сможет превратиться мах этих крыльев. Иначе, для кого же народ и продолжал сберегать в своем запасе слово «вечность». Этим ощущением вечности веяло не только от каждого печатного слова Шолохова. Удельный вес его выступлений — и не только по вопросам литературы — был неизмеримо велик. Весь мир прислушивался к нему, и он сознавал свою ответственность не только перед своим народом, но и перед всем человечеством. Не было на планете уголка, где бы не знали его книг. И тому было прислушиваться к тому шевелению, которое время от времени начиналось с его спиной. Все это, казалось, не больше как отголоски тех дискуссионных, которые вызвало появление «Тихого Дона». Особенно фигура Григория Мелехова. Ну и пусть себе дотлевают угли жарких схваток. Гораздо хуже для писателя, когда его книги не возбуждают споров. Автору даже интересно было понаблюдать, как исподволь начиналось перетягивание Григория Мелехова с берега на берег. Самые разнообразные силы ухватились за оба конца каната. Иногда даже могло показаться, что вот-вот Григория совсем уже перетянут в чужой, чуждый ему стан, как вдруг он сам вырвался из пут и поворачивал обратно. Ай да Григорий!

Вам, Вячеслав Михайлович, как учителем словесности, все эти перипетии вокруг центрального образа «Тихого Дона», конечно, известны. Но если бы все только к этому и свелось. У мифиста, сопутствующего Шолохову, была своя сверхзадача. Ему во что бы то ни стало надо было перетянуть на чужой берег не только главного героя «Тихого Дона», но и весь роман. Но это никак не осуществимо было без того, чтобы прежде еще раз попытаться отлучить от романа его автора. И на этот раз наверняка.

Здесь нам никак не миновать «сызнова» вернуться к тем, уже более чем полувекской давности дням, когда тень «персонального» мифиста впервые замаячила рядом с автором «Тихого Дона». Напомнить о том, в какие только формы не выливалась клевета, чтобы заронить в сердца первого поколения читателей молодой советской литературы семена сомнения, что 23-летний сын крестьянки с хутора Кружилина мог стать автором «Тихого Дона». То в формы поисков в сумках белоказах офицеров каких-то «дневников» или «записных книжек», из которых, дескать, и «скроил» Шолохов первую книгу «Тихого Дона». То в последующих намеках — после того как одна за другой вышли в свет вторая и третья книги романа, — что его автором мог быть и дореволюционный журналист, чьи путевые заметки «По тихому Дону» адресовались редакции журнала «Донская волна». То в «уточнении» этих намеков, что он «мог», конечно, быть и не автором, а всего лишь редактором в журнал рукописи романа, которая на самом деле «могла» принадлежать...

И здесь начинались лихорадочные поиски того, кому — только, конечно, не сыну крестьянки с хутора Кружилина — мог принадлежать «Тихий Дон». С одновременными поисками уже того «сундука», в который задним числом могли бы вместиться «рукописи» успешного разраза за эти годы романа. В полую сумку убитого белого офицера они уже никак не помещались. Необходимо было что-нибудь покрупить. А заодно следовало поискать и такого владельца этого сундука, который имел бы отношение и к Дону, и к литературе. Но только не среди сторонников Советской власти на Дону.

Теперь, когда с таким оглушительным треском лопнула спираль и этой последней интриги, закрученной вокруг автора «Тихого Дона» (даже ЭВМ, на которую рассчитывали клеветники, безоговорочно выстрелила им в лицо: «Шолохов»), пришел час разоблачить во всем этом более детально.

Когда-то, впервые подстреленный отравленной стрелой, он еще сумел выровняться на своих молодых крыльях и до конца исполнить грандиозный замысел «Тихого Дона». Теперь же, почти через пятьдесят лет, после нового удара в спину у него уже не нашлось сил для исполнения своего нового замысла. За плечами были годы, когда он, защищая своих вешенских товарищей от наветов, вынужден был дохо-

дуть до Политбюро. Была четвертая книга «Тихого Дона». Были «Судьба человека» и вторая книга «Поднятой целины». Была война. После первого инсульта он еще на что-то надеялся, даже, уединяясь у себя на втором этаже, что-то писал, жег в камине и опять писал. Он не расставался ни со стенограммой своих бесед с командармом Лукиным, ни с книгой воспоминаний маршала Жукова. Но после второго инсульта он уже мог лишь позволить себе, надписывая свою книгу, невесело поразмышлять: «Смотри-ка, а почерк у меня опять становится прежним».

Увы, недостаточно было этого для того, чтобы опять вернуться к роману на уровне тех требований, которые он всегда себе предъявлял, отдавая ему без остатка. Вероятно нанесенный ему удар сделал свое дело. Не предостерегли, не предотвратили, не упредили. Объясняли на этот раз фигуру умолчания тем, что ни «Тихий Дон», ни его автор не нуждаются в защите. Они сами себя защищают. Все последующие годы жизни Шолохов еще надеялся на взлет, но крылья уже не слушались его. Даже у самого мужественного сердца есть предел.

Мне теперь уже ничего не забыть неодолеимо печальному взгляду Шолохова, когда он вдруг взял со стола в своей московской квартире на Сивцевом Вражке и молча протянул одну из «отечественных» анонимок. Когда же я, не дочитав, бросил ее на стол, он только глухо спросил: — Ты что-нибудь знаешь об этой книжке, изданной в Париже? — Слыхал только, что предисловие к ней написал Солженицын. — Что этому чуду надо? — Я попытался, Михаил Александрович, разыскать ее в Москве. Не может быть, чтобы не оказался ни одного экземпляра у нас в стране. Но вряд ли здесь пахнет только чудом.

На следующий день Шолохов уехал в Вешенскую. Когда в АПН я ознакомился с книжкой, сразу не понял, что это грубый, хотя и закамуфлированный под научный труд, пасквиль. Но по старой корреспондентской привычке я все же сделал из него необходимые выписки. Никто мне не препятствовал, как не препятствовал и потом в Библиотеке имени Ленина познакомиться и с сочинениями того, на кого как на главного нового кандидата в авторы «Тихого Дона», ссылался анонимный автор пасквиля. Во всяком случае сего-

дня у меня есть основания окончательно утвердиться в том, что все эти записи я уложил тогда в свою старую корреспондентскую сумку не напрасно. Несмотря даже на мое согласие со словами самого Шолохова, который еще через год в станице Вешенской в ответ на вопрос, удалось ли к этому времени и ему прочитать это парижское издание, махнул рукой: — До сорока четвертой страницы. Скудно.

Да, это было непросто и безнадежно скудно. Более того, на меня повеяло с его страниц каким-то выморочным запахом, тленом. Как велико было мое возмущение и негодование этим новым — и превосходящим по наглости первый — разговором на Шолохова, чья творческая жизнь по счастливому стечению обстоятельств проходила у меня на глазах!

При обращении к ранним истокам и ко всей родословной «Тихого Дона» в связи с родословной его автора и со всеми другими его произведениями нельзя сразу же не почувствовать всю цельность его жизни и творчества, неразрывность их не только в большом, но и в малом. На рассеяние этих очевидных связей в первую очередь и направлен был пасквиль. Рассечь, разорвать по кускам, расчлнить и отслоить, чтобы потом уже, перекопав и скроив по-своему, передать «Тихий Дон» кому-нибудь другому. В конце концов им неважно было, кому передать. Когда при этом расслоении и отслоении они вдруг спохватились, что биография событий в четвертом томе «Тихого Дона» никак не совпадает с биографией их очередного «кандидата», они всего-навсего объявили восьмую часть романа с ее ослепительным финалом «мелодрамой», «рванью» и «клоунами», которые «свел» воедино «кто-нибудь другой», например, «тот же» Серафимович.

«Тот же», который уже после первой книги «Тихого Дона» предсказал Шолохову великую будущность. «Тот же», чья подпись стояла под гневной отповедью анонимным авторам первой клеветы.

Воистину подлость не имеет границ. Только бы вынуть ногу Шолохова из стремени автора «Тихого Дона». Но для этого надо прежде всего отделить из стремени самого романа его лазоревый цвет. Скрывший под буквой «Д» автор пасквиля так и назвал его «Стремя» «Тихого Дона». Предисловие и послесловие к пасквилю написал А. Солженицын.

Со словом «стремля», как известно, принято связывать два

понятия. Стремя — это та точка опоры, коснувшись которой ногой, вскидывается в седло всадник. Но это также и сердцевина реки. На Дону так ее и называют «стремля».

Взяв Шолохова на мушку уже после появления первой книги «Тихого Дона», они ждали только подходящего момента, чтобы теперь уже без осечки вышибить его из седла. Подвести, наконец, окончательную черту под счедами с тем, кто, все более уверенной рукой продолжая сдерживать с них маски и башлики, все больше обнажал их истинную природу. Накануне семидесятилетия Шолохова им показалось, что этот момент наступил.

Подготовка к войнам всегда начиналась с костров, на которых сжигались светлые творения человеческого духа. Для тех же, кто уже вскоре после окончания второй мировой войны нашел неисчерпаемый клад — наживы в подготовке к еще более страшной — термоядерной — войне, всемирно известный автор «Тихого Дона» давно уже застрелял ностью в горле. Все планеты обложи его активные очерки и статьи «Слово о Родине», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов». Все человечество прислушивалось к обличающим и вселяющим надежду словам первого писателя мира.

После смерти Горького вокруг него объединялись выступающие против угрозы войны прогрессивные деятели культуры. С тем большей злобностью сгущались вокруг него и силы мрака. Не забудем, что последняя интрига вокруг Шолохова закручивалась незадолго до начала нового идеологического похода против нашей Родины. Незадолго до объявления ее даже на президентском уровне «империей зла».

Месть злобствующих сил реакции великому социалистическому реалисту нашего времени назревала и ждала выхода. Она боялась опоздать, и ее уже не смущали никакие средства. Нужны были только исполнители. Их предпочтительнее всего было искать среди тех, у кого, кроме «глобальных», могли быть и свои собственные счесть с Шолоховым. По той же графе сальеризма. Скрываясь под масками «Д» и под башликами «публикаторов», они хотели украсть у нашего народа, у нашей революции «Тихий Дон».

Это им не удалось. Но им все-таки удалось украсть у нас роман «Они сражались за Родину», подлым ударом выбив у Шолохова его перо, добровольно отданное им, как и сердце, на службу партии, родному народу.

Не уйти клеветникам от презрения и позора!

Хутор Пухляковский, Ростовская область.